

Этот наш диалог с главным режиссером Петербургского тюза Анатолием Праудиным начался, собственно, давно.

Сначала прошлой осенью, когда Праудин только принял дела, я услышала историю, которую люблю пересказывать, если хочу поиметь успех в какой-нибудь театральной компании.

АНАТОЛИЙ ПРАУДИН:

Люблю я парадоксы ваши...

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

Я ненавижу, подростковый зал, — говорил Праудин. — То есть, когда они орут — ладно. Но когда я слышу звук откупоренной бутылки, звон стаканов и бульканье водки!.. Недавно в Александрино на "Горе от ума" подростки на ярусах выпили и их стало тошнить в партер... Так вот, в Екатерининском тюзе как-то шел "Человек рассеянный". Трое ребят написали — и вожделенный контакт зала со сценой, о котором мы так мечтаем, осуществился в полной мере: они начали просто громко отвечать актерам. Играть было невозможно. А в спектакле было двое слуг прощениума во фраках — профессиональные каратисты. И когда я понял, что спектакль нужно прекращать, я выпустил их в зал, сказав: "Ребята, давайте". Они подошли к этим пьяным школьникам и, пронеся ладонь в сантиметре от уха одного из них — хрясть — ударили по стулу. И спинка — пополам. Наступила идеальная тишина!

— И как после этого они воспринимали категорию прекрасного?

— Прекрасно воспринимали. На второй акт пришли чистые, трезвые, тихие. Лучшего зала я не помню. Поэтому в нашем тюзе, во-первых, преобразуем делегатское собрание в тюзовский омон. Любим театр — тренируйся. Самбо, каратэ. Полгода — и вперед. Сделаем вообще страшные голливудские маски. Чтобы не тихая контролерша с белым воротничком в темноте увещевала распявшегося подростка, а ужас, раскрасневшая физиономия подползала и

шептала: "Замолчи!" Сделаем фойе, в котором неприятно будет находиться; потом прошел в зал, а там по бокам — кошмары. Чтобы голову вбок поворачивать не хотелось, а хотелось смотреть прямо перед собой — в мир прекрасного...

Так рождалась концепция, предъявленная Праудиным обществу в нынешнем сезоне. Общественность в основном спутала скорбь, жестокость и ужасы. "Я хочу, чтобы зал Тюза напоминал по атмосфере БДТ в лучшие его годы..." — говорит Праудин. Но эту тихую реплику никто не слышит. Вчера мне в ланке позвонил знакомый драматург: "Правда, что Тюз переименовывают?!" — "Во что?" — "В Театр детской скорби". Вся эта путаница и побудила меня подробно поговорить с одним из интереснейших наших театральных сочинителей, любителей парадокса и эпатажа, серьезным режиссером Анатолием Праудиным.

— Анатолий Аркадьевич, по театральной России стон стонит. Все напуганы словосочетанием "Театр детской скорби", которое объявлено программным для Петербургского тюза. На смену "детской радости" — скорбь. Это на вас так повлиял театр вашего детства? Он не был для вас радостью?

— Нет, он, конечно, был радостью. Полной, абсолютной.

— И плохо от этого было, что ли?

— Нет, хорошо. Сначала. Потом — плохо. Когда я стал взрослеть, я, честно говоря, оказался не слишком готов к

тем метаморфозам, которые предлагает жизнь... К ним меня не подготовил в том числе и театр. Он убеждал меня в том, что, если я буду хорошим, если буду помогать делать уроки своему другу и принесу голодному котенку ночью сметаны, меня жизнь завалит подарками. Мне это гарантировали,

— Но помочь другу — это уже и есть подарок сам по себе. А если будешь носить котенку сметану — жизнь вернет тебе что-то. Все возвращается. Здесь нет вранья.

— Правильно. Только меня приучали не слишком интенсивно трудиться для этого счастья. На пни ногой зайчика, со знайкой, что не сделал урок, — и все.

— Между прочим, правильная мысль. Врать-то не надо.

— Правильная. Хотя с этим тоже надо разбираться. Что происходило потом? Мои университеты — это школа, двор и казарма. Театр учил одному, а там меня научили совсем другому: не признавайся ни в чем и никогда, и тогда, может быть (может быть!), проскочишь и наказания не последует...

— И теперь к этим университетам должен прибавиться еще один — Театр детской скорби, который научит подростков тому же?

— Под "театром детской скорби" я подразумеваю театр без иллюзий. Тот, который не поддерживает старые иллюзии и не предлагает новых. В котором каждое волшебное явление будет иметь имя и фамилию...

— Тогда начнем с того, что такое иллюзия?

— Иллюзия — это подмена реальности возможностью некоего мифического, сказочного су-

ществования. Считается, что надо ждать, надеяться — и это поможет справиться с неприятностями. Верь — и обязательно придет принц, явится добрая фея, будет встреча, которая решит все проблемы. Для меня это очень сомнительный путь. Принц не придет. Для этого детям нужно рассказать историю Золушки. Не придет никакой принц, и не надо его ждать. Его нет. Есть мать, отец, сестры и есть бродяга-фокусник, пригласенный на бал синих мира сего. Он одел Золушку и взял с собой (по каким причи-

нам — это тоже нужно разбираться, все эти чудеса с переодеваниями имеют конкретные, человеческие мотивы). Конечно, если от принца каждый раз в 12 часов убегать, то долго можно продержаться его и себя в напряжении. Но стоит один раз остаться на ночь — и иллюзия разрушится. Это все сочинено так правильно по жизни, что у меня руки чешутся рассказать свою версию этой истории. Потому что эту иллюзию я и сам переживал, и все мы переживали. И у каждого она рушилась, рассыпалась в руках...

— Но ведь движение жизни в том, что на смену этому приходит что-то следующее, другая иллюзия, и мы как дураки опять...

— И мы как дураки, и я как дурак меняю эти иллюзии. А если бы я наконец сообразил, что жизнь уже началась, что я уже живу, если бы почувствовал себя не на вокзале, а дома, и понял, что те люди, которые меня окружают, будут до самой смерти меня сопровождать и других не будет, вот тогда наступил бы покой, который, как известно, является заменой счастья. Не надо ничего ждать. Дай Бог, кому-то повезет. Но все время надеяться, что произойдет чудо, это зря тратить время. Поэтому-то у нас ощущение жизни не как дома, а как вокзала... Конечно, это все спорно. И версия прошлого детского театра тоже имела свои прелести. Потому что, пройдя через него, на какое-то время человек чувствовал себя очень уверенно. Ведь если рассказать ему жизнь по схеме, в этой схеме убедиться, сколько-то она будет действовать, давать силы, пока не начнет разрушаться. Я по себе это помню.

— Надеяться не надо, а как же ничего не ждать?

— Несбыточные надежды дают грех уныния. А когда они заканчиваются, приходит радость: все классно, вот она — жизнь, вот они — люди! Надо научиться находить в этом прекрасное, радостное. Кстати сказать, я ведь тоже к жизни отношусь неоднозначно, мне иногда бывает очень хорошо. И когда бывает хорошо, я знаю: это не навсегда, потом опять будет плохо, а потом снова хорошо... И поскольку я это знаю, я меньше расстраиваюсь, когда хорошее заканчивается. И интересно становится оттого, что хорошее с плохим мешает совершенно произвольно... Нужно отдаться стихии жизни — и пусть оно будет, как будет!

— Карамзин когда-то писал, что гармония искусства должна компенсировать дисгармонию жизни...

— Может быть, это кто-то придумал, что жизнь — дисгармония? Может, это и есть гармония? И вот попробуй остаться добрым, честным, красивым, найди в себе силы накормить котенка, когда ты не знаешь, вернется тебе это или нет. Добрые дела надо делать тайно.

— Вы напугали всех ужасами. Будущее вашего театра видится театром триллера... Всем кажется, что в Тюзе сейчас начнут убивать, резать, кровь реками...

— Триллер — это частности, это вопрос отдельного спектакля. Вообще я — за насильственные пути. Ну, конечно, не лопатой по голове, но чтобы, входя в театр, подросток попал в пространство, где ему было бы уютно.

— Вы, Анатолий Аркадьевич, ставили по-разному. С одной стороны, были "Алиса в Зазеркалье" и "Ля-бемоль", а с другой — "Человек рассеянный" и "Мой бедный Марат", совсем другие истории.

— Ну, конечно, спектакли будут разные, это не будет один спектакль, поделенный на серии. И режиссеров я собираюсь привлекать разных. Чтобы им не было скучно, я, может быть, расскажу им за чашкой кофе про театр детской скорби, но не стану же заставляя их ориентироваться на это. Они будут ставить, как умеют. И добрые спектакли будут в том числе.

— Вот ваши зрители получили объяснение про то, как все скорбно. А радость от соприкосновения с театром?

— Да уж желательно.

— То есть должен быть театр "этической скорби", но "эстетической радости"?

— Радость можно получить и от скорби. Вот я сочинил какую-нибудь страшную историю — и, конечно, мне радостно!

— Есть театры, спектакли, которые вселяют радость жизни. Вот "Осень нашей весны" Габриадзе. Притом, что все кончалось гибелью птицы Бори Гада (его убивал в витрине охотничьего магазина неживой охотник — вполне по законам вашего скорбного театра), вы выходили с радостью жизни. Кстати, так было после "Человека рассеянного".

— Да, но я сам себе не верил. Это было для меня какое-то недоразумение.

— А какие спектакли адекватны вашему сознанию?

— Ну "Алиса" поадекватнее, конечно, "Ля-бемоль".

— А "Марат" выпал...

— Там тоже были вещи, в которые я не верил. Хотя иногда увлекаешься вариантами решений, предложенных автором... Версиями. Вообще не разгадать в этой жизни ничего.

— Но ведь не мы жизнь проживаем, она же нас проживает. И, наверное, самое трудное — то, о чем вы говорите, включиться в движение жизни, перерабатывать это движение собой.

— Да, да. — И это ведь приводит к радости. Потому что когда этому научаешься — такое счастье!

— И я думаю, что это классно в итоге. Это — трезвость, это — явь.

— Нет, потому что гордыню подавил. Не тобой этот мир создан, не тобой управляется...

— Так это и есть трезвость.

— Нет, это называется смирение. Может быть, так и называть: "Театр детского смирения"?

— "Театр детской трезвости".

Все скорбно, не хочется на самом-то деле ничего этого делать. У меня все внутри сопротивляется собственной инициативе. Потому что хочется обманывать других, себя обманывать. Но я не уверен, что это правильно. Чтобы стало легче — нужно, чтобы сначала было больно. Как в больницах.

P.S. Я показала Праудину фотографию, приготовленную для этой публикации. Норжальскую такую... "Нет, это я позировала, в ней есть какая-то неправда. А вот это — похоже", — сказал он и протянул мне этот фотографический ужас...

Беседу вела
Марина ДМИТРЕВСКАЯ